

**ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ
ШИЦБЕРГЕНА
и проекты преобразования
РУССКИХ МОРСКИХ
ПРОМЫСЛОВ в XVIII в.**

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ,
проект 13-01-00215. Статья публикуется в авторской редакции

Сия тебе единой слава,
Монархина, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарят!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь текут,
Богатство, в оных погасито,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей светят.
Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалился Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.

М.В. Ломоносов

Введение

1 июля 1768 г. (ст. стиль) Екатерина II подписала в Петербурге указ, упразднивший монопольную компанию графа Шувалова, которая контролировала рынок ворвани в бассейне Белого и Баренцева морей. Это была последняя монополия в стране, оставленные были ликвидированы за шесть лет до того, и указ, отменивший все виды монополии в области морских промыслов Русского Севера, навсегда и открыл эту отрасль экономики для всех желающих, стал окончанием борьбы императрицы с монополистами¹. К этому моменту власти на прояжении более чем шестидесяти лет организовывали одну за другой монопольные

¹ См.: Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 67.

компании, в задачи которых входило развитие новых видов морского промысла, прежде всего китоловства, а также реорганизация всей отрасли на европейский лад. Со своей стороны, правительство обеспечивало компаниям полную поддержку, включая торговые и налоговые преференции. Деятельность этих компаний, безусловно, была провальна с точки зрения их официальных целей, но при этом весьма выгодной для их владельцев. Несколько, встречались имена чрезвычайно высокопоставленных лиц, таких, как А.Д. Меншиков, владелец компаний в 1703–1721 гг.¹, его компаньон П.П. Шафиров, который и сам организовал компанию в 1734–1739 гг.; барон А.К. фон Шембёрг – генерал-берг директор времен Анны Иоанновны², приближенный к Бирону и знаменитый финансовым махинациями при управлении компанией в 1739–1742 гг.; наконец, в 1748–1768 гг. монопольные права принадлежали графу П.И. Шувалову, а после его смерти в 1762 г. – его наследникам³. Кроме представителей элиты среди владельцев фигурировали также купцы привилегированной семьи Евреиновых, владевшие компанией в 1731–1734 гг. И только в 1723–1731 гг. и 1742–1748 гг. монопольные права принадлежали государству⁴. В итоге период между 1703 и 1768 гг. стал

¹ Петр I сконцептуировал все рыбные ловли в государстве и передал управление ими в специальнюю Ингерманландскую капитию, во главе которой поставили А.Д. Меншикова. Светлейший князь получил также привилегию на организацию монопольной компании, чьей официально заявленной целью стала усиленная эксплуатация морских промыслов на Русском Севере, в частности, контроль над сбытом сала

морских животных. Позднее привилегия была расширена и распространялась также на торговлю сельдию. Кроме того, компания должна была заниматься развитием китоловства. См.: Даудыкина М.М., Крайковской А.В. «Промысел старался приумножить»: деятельность Сальпире, 1704–1721 гг. // Менишиковские чтения – 2014: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. – СПб.: XVIII век, 2014. – С. 71–78.

² Описание проекта см.: Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. – Т. 1. – Кн. 2. – СПб., 1782. – С. 441–445.

3 П.П. Шувалов получил монополию в результате острой борьбы с двумя другими претендентами и сохранил права на нее вплоть до своей смерти в 1762 г. См.: РГАДА. Ф. II. Оп. 1. Д. 307. Л. 5 об.–9; Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. – М., 1956. – Т. 1. – С. 344–346.

⁴ Об истории Кольской китоловной компании (официально существовала в 1723–1731, активно действовала в 1726–1729 гг.) и Государственной Сельской компании (1726–1731 гг.) См.: Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1782. С. 366–413;

известен в истории морских промыслов Русского Севера как «эпоха монополий», а указ, подписанный императрицей летом 1768 г., означал собой решительную смену парадигмы в развитии морских промыслов этого региона. В то же время следует иметь в виду, что решение об отмене монополий ни в коей мере не означало отказ от самой идеи модернизации. Речь шла о замене инструмента, но не цели. На место монопольных компаний должны были прийти силы свободного рынка, но задача оставалась прежней – усовершенствовать стоявшую за предыдущие века систему эксплуатации морских природных ресурсов, которая в целом рассматривалась, как несоответствующая современнym задачам.

В рамках настоящей статьи мы хотели бы рассмотреть вопрос о том, какое место в этих планах модернизации занимал архипелаг Шпицберген, который в России обычно называли Грумантом. Шпицберген – арктический архипелаг, расположенный далеко за полярным кругом между 76 и 80 градусов северной широты. Богатство наземной и особенно морской жизни на Шпицбергене связано с влиянием теплого течения Гольфстрим, за счет которого зимние температуры на Шпицбергене оказываются почти на 20 градусов выше, чем в сопоставимых по широте других арктических районах (минус 10–14 градусов в среднем). Архипелаг никогда не имел местного населения, был открыт в 1596 г. голландским мореплавателем Виллемом Баренцем. Основными природными ресурсами Шпицбергена в доиндустриальную эпоху были морские млекопитающие: киты, моржи, тюлени, а также объекты наземной охоты¹. Этот арктический архипелаг в XVII в. служил основным местом промысла для европейских, скандинавских и русских китобоев. Вместе с тем для русских Шпицберген не был некоей «terra incognita»; поморы были тут моржа и других морских зверей и оставались на зимовку для наземной охоты, правда, рассматривали Грумант лишь как часть

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 184–188. Беберман Е. Китобойный промысел в России. Известия Московского коммерческого института. Коммерческо-техническое отделение. Т. 19. Кн. 2. М., 1914; Белов М. И. История открытия и освоения Северного Морского пути. Т. I. М., 1956. С. 346–347. Детальная история монополий не входит в заданийной статьи, см. об этом: Караковский А. The governmental projects of the whaling development in the 18th c. Russia. In: Whaling and History Vol. III / Ringstad J. E. (ed.), Sandefjord, 2010. P. 171–176.

¹ Dag Avango, Louwrens Hacquebord, Yrie Alders, Hidde de Haas, Ulf Gustafson and Frigga Kruse. Between markets and geopolitics: natural resource exploitation on Spitsbergen from 1600 to the present day. Polar Record 2011, 47, I, P. 29–39.

своих промысловых уголовий наряду с восточными побережьями Баренцева моря за Канинным носом и в районе устья реки Печоры, островов Колгуев, Вайгач и Новая Земля.

Российские промыслы морского зверя на Шпицбергене в XVIII в. приносили главным образом ворвань, добывавшуюся из моржей и тюленей, их шкуры, используя различные особенности в производстве морских снастей, в незначительном количестве медведей, шкуры северных оленей и гаганий пух².

История хозяйственного освоения Шпицбергена жителями Русского Севера и эксплуатации его природных ресурсов на Шпицбергене был характерен для периода перед Первой мировой войной, когда активно обсуждалась дальнейшая судьба этой «чиличайной» территории³ и затем для конца 1940–1960-х гг., когда были написаны тенденциозные сочинения, не основанные на серьезной исследовательской работе⁴. С тех пор в основном этой темой интересовалась археологи⁵. Серьезным недостатком существующих работ, посвященных истории промыслов на Груманте, остается взгляд на эти промыслы как на вещь в себе, вне связи с широким историческим контекстом. Отсутствие понимания этого контекста значительно снижает возможности исследования. Изучение места Шпицбергена в экономике России и других стран подменяется подогреваемыми геополитическим контекстом спорами о том, кто открыл или кто раньше появился на Шпицбергене – скандинавы или русские⁶.

¹ A. Krajkovski, Y. Alekseeva, M. Dadykina and J. Lajus. The organization of Pomor hunting expeditions to Spitsbergen in the 18th century. in: LASHPA: History of Large Scale Resource Exploitation in Polar Areas. Circumpolar Studies 8 (2012) / Louwrens Hacquebord, ed. Groninger: Barkhuis Publishing. P. 1–15; Nils Stora, Russian Walrus Hunting in Spitsbergen. Etudes Inuit Studies 1987, 11 (2). P. 119.

² Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе: краткий очерк русских плаваний и промыслов на Шпицбергене и поэтический указатель литературы и архивных дел, относящихся к этим вопросам. СПб., 1912.

³ Ставинишер М. Русские на Шпицбергене. М.: Главсевморпуть, 1948; Обручев С.В. Русские поморы на Шпицбергене в XV веке. М.: Наука, 1964 и др.

⁴ Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. I. Шпицберген. М., Научный мир, 1998; Ясинская М.Э., Овчинников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельской Север: проблемы и источники: В 2 т. СПб.: Петерб. востоковедение, 1998.

⁵ Abrahamsen S.E. and Arlov T.B. (1988) The discovery of Svalbard a problem reconsidered. Fennoscandia Archaeologica, Helsinki V. P. 105 111;

В нашей работе мы этих споров не касаемся, а рассматриваем проекты освоения Шпицбергена в XVIII в. Мы считаем важным посмотреть на проблему взаимодействия людей и природы Шпицбергена под другим углом зрения – через понятия географических образов и представлений. Мы стараемся увидеть, как авторы текстов «описывали возможные сценарии изменений и делали риторический вклад в создание будущего»!¹ Одним из примеров такого рода может служить развернувшаяся в XVIII в. дискуссия вокруг организации в России китоловной компании. Она может быть рассмотрена с точки зрения борьбы интересов разных групп, каждая из которых имела свой образ Шпицбергена как природного объекта. В самом деле, отказ поморов от промысла китов выглядел нелогично, поскольку они так или иначе бывали на Шпицбергене и прекрасно знали об изобилии китов в этих водах. Мы полагаем, что для ответов на все вопросы важно понять, как представляли себе эту территорию люди XVIII в., для которых Шпицберген был в большей степени образом, чем реальным местом в пространстве. Важно проследить, как рождался и трансформировался впоследствии этот образ в сознании русского общества.

Начало формирования представлений о природе Груманта, как основе для успешного китобойного промысла, относится к тому моменту, когда, находясь в Нидерландах в составе Большого Посольства в 1697 г., Петр I посетил китобойные корабли, вернувшиеся со Шпицбергена с небывало богатым уловом на борту, и был впечатлен увиденным². Вероятно, эти впечатления в значительной степени легли в основу его стремления любой ценой, не считаясь с затратами и трудностями, развивать китобойный промысел. В этой связи повышенный интерес к активизации русского присутствия на Шпицбергене, демонстрировавшийся на протяжении XVIII в., легко объясним.

¹ См.: Avango D., Nilsson A.E., Roberts P. Assessing Arctic futures: voices, resources and governance. In: The Polar Journal, 2013. http://dx.doi.org/10.1080/2154896X.2013.790197

² См. Крайковский А. В. «Как спущенный корабль»: планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб. Европейский дом. 2014. С. 265–268.

Основным источником для нашей статьи послужили тексты, которые мы условно можем объединить под названием «проекты» модернизации морских промыслов. В этот комплекс документов мы включили тексты двух разновидностей. К первой относятся собственно проекты в том смысле, который вкладывался в это слово в Европе раннего Нового времени, а вторую мы можем обозначить как «кондиции». Первая группа текстов XVII–XVIII вв., порожденного развитием меркантилистских идей. В рамках парадигмы меркантилизма успешность экономической политики определялась положительным сальдо внешнеторгового баланса и, следовательно, значительными поступлениями своего рода профессия проектера¹. Так называли людей, разрабатывавших и предлагавших правительствам различные меры по резкому повышению государственных доходов.

Некоторые из этих проектеров добирались и до России², и в их число входили, в том числе, авторы интересующих нас текстов:

Бенедикт Небель, (проекты 1698 и 1729 гг.) житель Амстердама, подал проект на имя Франца Лефорта в начале 1698 г., во время нахождения в Голландии Большого посольства. В этом проекте Небель не утомил о Шпицбергене³. Общие рассуждения об обширности и изобилии территории России и том, что для превращения ее в богатейшее государство недостает лишь правильной системы управления имеющимися ресурсами послу-

¹ Defoe D. An Essay upon Projects. Cassell & Company, Limited: London, Paris, New York & Melbourne. 1887. http://www.gutenberg.org/files/4087/4087-h/4087-h.htm; Novak M. Introduction. The Age of Projects. Toronto: Toronto University Press, 2008. P. 3.

² Kotilaite J. Mercantilism in Pre-Petrine Russia. Modernizing Muscovy. Reformation and Social Change in Seventeenth-Century Russia. Ed. by Jarmo Kotilaite and Marshall Poe. [Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe]. London, N.Y.: Routledge, 2004. P. 137–166.

³ РГАДА, ф. 50, Оп. 1, 1698, Д. 1. Проект состоит из двух частей: письма Б. Небеля Францу Лефорту, и меморандума, в котором содержится прошение о предоставлении на 15 лет монопольных прав на торговлю рыбникаких сведений о деятельности компании Небеля нет. Позднее Небель ссылается на проект 1698 г., в котором он предлагал создать компанию по развитию в России китоловного дела (См.: РГАДА, ф. 397, Оп. 1, Д. 221). Менее, что Петр I использовал некоторые идеи Небеля в процессе реорганизации морских промыслов.

живи ему основной для идеи организации монопольной компании, контролирующей вылов и продажу рыбы в Коле. Разрешение на организацию компании было получено, однако никаких сведений о ее деятельности нет. Впоследствии Небель покинул Голландию, поступил на русскую службу и дослужился до положения обер-фиската в Адмиралтействе. Тем не менее, мысль о создании монопольной компании его не оставляла, и в 1729 г. он подал новый проект¹, в котором представляли широкую перспективу строительства промыслового флота, опиравшегося в Северной Атлантике от Шпицбергена до Северной Америки с главной базой в Нарве. В пояснениях к этому проекту он утверждал, что высказывал первые идеи об учреждении китоловства у Шпицбергена еще в 1698 г. в Амстердаме самому Петру. Возможно, эти идеи Небель высказывал устно.

Соломон Вернизобер (проект 1723 г.)² – выходец из французской кальвинистской купеческой семьи, вел в России рискованные коммерческие операции и к началу 1720-х гг. находился в сложном финансовом положении. За долги его московская недвижимость была отписана в казну. Вероятно, пытаясь спасти свои дела, в 1723 г. откликнулся на указ Петра I о поиске желающих участвовать в развитии на Русском Севере засола рыбьбы по европейским технологиям. В проекте просил исключительных монопольных прав, но своего не добился. На его проект Коммерц-коллегия ответила что, так как он «человек иностранный», и просит всю компанию в единоличное владение, чем может нанести вред промышленникам, то коллегия согласиться на его условия «никак не может». Впоследствии он был назначен одним из директоров Кольского китоловства. Позже служил директором в компаниях А. Шембера и П.И. Шувалова. В последней должности ему наследовал сын Франц.

П.П. Шафиров (проект 1726 г.). В связи с тем, что проект Кольского китоловства развивался без особого успеха, правительство Екатерины I в 1726 г. отправило в Архангельск главу коммерц-коллегии П.П. Шафирова с тем, чтобы он нападил деятельность компании и одновременно вовлек в проект частный капитал. Таким образом, перед нами в своем role уникальный документ, проект, предложенный не купцами правительству,

а напротив, правительством купцам, которых следовало убедить в перспективности начинания³.

Е. Головыгин (проект 1768 г.). К окончанию срока монополии П.И. Шувалова архангелогородский губернатор Е. Головыгин предложил собственный проект устройства компании в казенной собственности⁴. Проект был отклонен после обсуждения в Комиссии о коммерции, и именно опирясь на результаты этого обсуждения Екатерина II подписала указ о ликвидации монополии в 1768 г.

К. Траппе (проекты 1768 и 1769 г.)⁵. После отмены монополии правительство объявило о том, что все желающие могут подавать проекты учреждения китобойных компаний. Французский поданный К. Траппе подал два проекта, претендующие на субсидии из казны. Проекты были отклонены.

С. Вешняков (проект 1774 г.)⁶. Его проект был подан на тех же основаниях, что и проекты К. Траппе. Вешняков использует в тексте популярные идеи общего блага, или как он пишет, «народного удовольствия», ради которого и затевает все дело⁵. С предыдущими авторами проектов его объединяет требование различных привилегий, а также упоминание на «милость Божью», которая должна доставить прибыль всему предприятию. Новым в его проекте, по сравнению с предшественниками, становится подробное описание китоловства, а также знание природной ситуации: особенности ледового режима в Горле Белого моря и на побережье у Колы, время навигации, трудности зимовки Шпицбергена, особенности хода на Шпицберген и Новую Землю⁶. Проект также не был поддержан правительством.

¹ Проект развития китоловства был предложен бароном П.П. Шафировым, на тот момент занимавшим пост президента Коммерц-коллегии. Опубл.: Чулков М.Д. Историческое описание... Т. 1. Кн. 2. СПб., 1782. С. 378–385.

² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–63 об.

³ Траппе, как и Вернизобер, был французским коммерсантом, текст его проекта см.: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 85–90, 94 об.–97.

⁴ Текст проекта см.: РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 238. Л. 106–112 об.

⁵ Вешняков, вероятно, имел непосредственное отношение к тем промышленникам, которые занимались звериным промыслом в северных водах. В документах 1787 г. некий Трофим Вешняков упомянут в списках вышедших «из-за датской границы» (Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 407. Л. 18–21); Максим Вешняков – один из самых крупных дольщиков-промышленников по спискам БАТК 1804–1805 гг. (ГАО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 32. Л. 58)

⁶ Важно то, что в проекте Вешнякова эти географические объекты названы вместе, также как это прослеживается в ответах промысловиков, зафиксированных в различных учетных документах – переписях, ведомостях.

Академик И.И. Лепехин (проект 1798 г.)¹. Этот проект был подан в известной мере в связи с завершением экспедиции на север, отправленной Петербургской Академией Наук. Проект стал последним такого рода документом, созданным в XVIII в.

Вторая группа источников, которые мы обозначили как «кондиции», представляют собой документы иного рода. Они составлялись в тех случаях, когда власти предлагали принять участие в проекте создания компаний потенциальным владельцам монополий. В этих случаях последние составляли для правительства списки условий, на которых они были готовы такое предложение принять.

К нашему исследованию были привлечены документы ряда компаний.

Кондитии *Матвея Евреинова* (1722 г.)². Документ был составлен после того, как Компания Меншикова была ликвидирована решением Петра I, и царь приказал передать монопольные права представителям купеческого сословия. Матвей Евреинов, один из богатейших предпринимателей петровского времени, выставил условия, которые были приняты, но на практике компания так и не была создана.

Кондитии *Якова Евреинова с братьями* (1731 г.)³. Сыновья Матвея Евреинова получили монопольные права после ликвидации казенной сальной компании и Кольского китоловства.

Кондитии *П.П. Шафирова* (1734 г.)⁴. Ползаясь своим высоким служебным положением, П.П. Шафиров сумел перехватить монопольные права у братьев Евреиновых.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 79. Л. 2–24. Проект обсуждался в нескольких государственных учреждениях и в дальнейшем, по-видимому, повлиял на создание Беломорской торговой компании в 1803 г., открывшей новую страницу в истории освоения морских ресурсов Русского Севера.

² В 1721 г. Петр I пришел к выводу, что компания Меншикова неэффективна. Более того, царь принял решение о том, что отныне высшим чиновникам иnobility не стоит заниматься коммерцией, в которой они плохо разбираются, а потому монопольные права на торговлю могут быть предоставлены только представителям купечества. Матвей Евреинов предложил условия, на которых он собирался создать новую компанию. Известно, что он получил эту привилегию, но практически сразу она, по-видимому, была отменена. (См.: Огородников С.Ф. *Очерк истории... С. 183–184.*)

³ Сыновья Матвея Евреинова получили монополию при Анне Иоанновне. См. текст их «кондитий». РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 15–17.

⁴ В феврале 1734 г. П.П. Шафиров направил прошение Анне Иоанновне с тем, чтобы добиться получения прав на управление монопольной компанией Евреиновых. См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 307. Л. 4–4 об.

Сравнивая между собой эти разновидности источников, легко убедиться, что они существенно разнятся как по содержанию, так и по форме. Авторы «проектов» ставили перед собой задачу убедить власти принять участие в предприятии, их задачей было продемонстрировать правительству выгоды от реализации идей. Авторы «кондитий» находились в совершенно ином положении, они могли выдвигать правительству условия и не собирались его ни в чем убеждать. Их тексты содержат гораздо меньше риторики и имеют ярко выраженную практическую направленность. Тем не менее, документы обоих разновидностей позволяют изучить образ природной среды, которую предполагалось покорить и видоизменить при помощи монопольных компаний.

Образ природы глазами проектеров

Составляя пространное описание российской коммерции, М.Л. Чулков в 70-е годы XVIII в. предварил его описанием природных ресурсов, которыми располагала Российская империя. Стиль этого описания соответствует тому настроению, которое царило в среде просвещенной публики после знаменательных и успешных военных кампаний Екатерининского времени, а также благодаря опубликованию впечатляющих (и поражающих воображение) результатов Академических исследовательских экспедиций, представивших описание обширных владений империи и ее ресурсов. Главная идея выражена в твердом убеждении автора, что Россия «снабдила Бог» такими природными богатствами, которых другие европейские страны не имеют, и она поэтому в состоянии всем необходимым сама «довольствоваться и наслаждаться своим изобилием», практически ничего не «заемствует» из других стран. Поэтому «привидение вразумляет» государство по- кровительствовать развитию коммерции, под которой автор подразумевал не только торговлю, но также и производство товаров, систему кредитта, развитие транспортной инфраструктуры¹. Эта идея природных ресурсов России, требующих соответствующего управления, была одной из центральных и для проектов разви-тия китоловства.

Любопытно проследить, каким образом представления о природе, проявившиеся в тексте проектов, связаны с развитием общих знаний о природе на протяжении изучаемого периода. Следует отметить, что XVIII в. занимал особое место в развитии естествознания как в России, так и в мире. Картина мира, существовавшая в головах представителей образованного обще-

¹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1781. С. 9–10.

ства, радикально изменилась в период с 1698 по 1798 г.¹. Кроме того, если в начале этого периода Россия только начала усваивать европейские достижения в области естествознания, и этот процесс происходил, в общем, на уровне впечатлений от посещения европейских кабинетов редкостей во время Великого Посольства², то в конце столетия Петербургская Академия Наук уже вела естественнонаучные исследования самостоятельно и на высоком уровне.

Классическая натуралистика, с которой познакомились московиты в начале петровских реформ, рассматривала в качестве своей главной задачи постижение Божьего замысла, лежащего в основе природных процессов³. Таким образом, фигура Бога занимала важное место в картине мира⁴, и тексты проектов содержат риторику, приоткрывающую эту сторону мировоззрения. Так, Б. Небель в 1698 г. подчеркивал, что на Кольском полуострове природа является собой не что иное, как величайшее благословение от Бога⁵. Бог также упоминается в контракте, заключенном между пайщиками компании Меншикова, как важнейший гарант успешности начинания⁶. Более того, риторика официальной переписки позволяет утверждать, что между Всевышним и императором России предполагались особые отношения. Так, в 1726 г. находка трех выброшенных на берег Мотовской губы Кольского

¹ Проблема взаимодействия и взаимосвязи между состоянием русских морских промыслов и развитием европейских научных знаний об окружающей среде изучена слабо. Примером редкого исключения можно считать исследование Р. Джонса. См.: Jones R. Empire of Extinction. Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea. 1741–1867. Oxford University Press, 2014.

² Крайковский А.В. «Как спущенный корабль»: планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2014. С. 265–268; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое Посольство: рубеж эпох или начало пути. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 201; Беспытки Ю.Н. Архангельск накануне и годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010.

³ Reuter J., Post K. Classical Natural History: the importance of volunteers in collection management and research. *Quaderni del Museo di Storia Naturale di Livorno*. 23 (2010). P. 29.

⁴ См.: Worster D. Natures Economy. A history of ecological ideas. Cambridge University Press, 1998. Р. 2–25; Кивелсон В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII в. М.: НЛЮ, 2012. С. 140.

⁵ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1698. Д. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

залива китов произошла, по мнению приказчика Я. Неклюдова, благодаря особому счастью Ее Императорского Величества¹.

Сам Океан описывается как особого рода природная среда, тесно связанная с деятельностью европейцев, в некотором смысле подвластная им и во всяком случае являющаяся частью некоей «европейской». Так, Б. Небель в 1729 г. выдвигает в качестве важного аргумента для развития китоловства тот факт, что этот промысел заведен в Голландии, Англии, Франции, Дании, Швеции и других странах и его развитие обеспечивает доступ к потоку серебра, идущего из Америки, как это свойственно другим морским (читай – европейским) нациям². В то же время та часть Океана, которая находится под властью русских, по мнению авторов проектов, чрезвычайно плохо используется. Бенедикт Небель даже полагал, что благословенная Богом природа жестоко страдает от неумелого управления, с которым она сталкивается в России³. Таким образом, природа занимала некоторое, хотя и не главное, место в текстах проектов по организации монопольных компаний. Обшим местом являлись фразы в духе того, что ресурсами Россия богата, и надо лишь научиться управлять ими правильно, взяв за основу европейский опыт и полагаясь на Божье благословение.

Гораздо больше внимания уделялось иным вопросам, а в текстах «кондиций» и вовсе обсуждались практически только они. То, что в действительности интересовало авторов проектов первой половины века, легко определить по тем пунктам, которые перекочевывают с небольшими изменениями из одного проекта в другой. Главный интерес состоял, безусловно, в возможности получить почти мгновенную прибыль от операций по перепродаже продуктов рыбных и звериных морских промыслов. Во вторых, немалые выгоды участники компании могли получать (и получали при счастливом решении их вопроса) от привилегий в освобождении от уплаты целого ряда пошлин, возможно, чтобы рубить и продавать лес, от беспошлиной торговли хлебом «за морем». В этом контексте идея создать в России развитый китобойный промысел на «готанский манер» служила чаще всего той приманкой, на которую должно было «клонуть» правительство. Поэтому описание предлагаемого промысла подавалось так, чтобы подчеркнуть его важность как части процесса европеизации России: постройка «новоманерных» и только таких судов, найм огромного штата иностранных специалистов для обу-

¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 218. Л. 8–8 об.

² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 об., 5.

³ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1698. Д. 1.

чения китобойному делу русских ловцов и матросов, содержание на знаменитом жаловании иностранных же капитанов и шкиперов, знающих места обитания большого количества китов, закупка различных инструментов и охотничьего инвентаря и проч. Впрочем, свои ресурсы также пытались использовать. Так, в пиратской книге Кевролы и Мезени 1710 г. специально отмечены те жители, которые «ходят на Грумант и Новую Землю на звериные промыслы»¹.

Шпицберген в теории и практике компаний

Если от общего образа природы перейти к реконструкции представлений о месте Шпицбергена в планах модернизации морских промыслов, то можно увидеть в текстах ряд тенденций. Те авторы проектов, которые пытались обратиться за государственной поддержкой, как Бенедикт Небель, Соломон Вернизор и другие, с большим энтузиазмом описывали ресурсы Севера вообще и Шпицбергена в частности. Своего рода оппонентами в этой «дискуссии» выступали авторы «концепций» – сначала купцы Евреиновы, а позднее – гр. П.И. Шувалов: они отказывались участвовать в китобойном промысле на Груманте, мотивируя это тем, что он очень дорог в содержании и убыточен, и просили специальных налоговых льгот. Компромисс мог быть достигнут на тех условиях, чтобы они отправляли хотя бы один корабль ежегодно для китобойного промысла. Впрочем, данных о том, что это условие выполнялось, у нас нет. Что касается монопольных прав на скопку товаров морских промыслов, то в проекте П.П. Шафирова 1734 г. монополистический контроль над рынком товаров морских промыслов считался своего рода компенсацией за материальный ущерб, причиненный и причиняемый невыгодным китобойным промыслом. В 1723 г. Шафиров писал о том, что, будучи посланным в Архангельск для принятия дел Компании, он должен был во всех городах, через которые он проезжал, всячески привлекать купечество к участию своим капиталом в развитии этой отрасли морской экономики². Но его постигла неудача. Тут возникает вопрос: действительно ли Шафиров являлся тогда сторонником китоловства и неудача его агитации связана исключительно с тем, что мнение купцов о рентабельности и необходимости включаться в столь опасное предприятие, оказалось сильнее? Или, в действительности, Шафиров, как человек практический, и сам не стремился к тому, чтобы поддержи-

вать эту романтическую идею? Во всяком случае, впоследствии, получив монополию в 1734 г., он отказывается от китоловства. Иными словами, важность и обилие Шпицбергена были очень сомнительны для «практиков», в то время как авторы «теоретических» проектов представляют в своих описаниях почти идеальный образ этой части Арктики в качестве важного источника дохода. Впрочем, конкретных знаний о том, что собой представляет собой «Грунландия», каких-либо особенностей морехолства в этих краях, характере климата, наконец, о самих объектах и в этом они отличаются от нового поколения, пришедшего им на смену в 1760-е гг. При этом даже самым восторженным идеалистам приходилоось признавать существование ряда проблем и трудностей, объективно стоявших на пути реализации их идей. Так, уже в 1720-х гг. стало более или менее ясно, что Архангельск не годится в качестве базы для организации доходного китоловного промысла на Шпицбергене, что было связано со сложным ледовым режимом Горя Белого моря. Поэтому казенная китоловная компания, организованная Петром I после закрытия Меншиковской компании, была создана в Коле. И в дальнейшем представление о том, что Кола является наиболее удобным местом для существования и развития базы китоловства, поддерживалось авторами последующих проектов. При этом, «практики» долго не давали внятного ответа, почему они отказываются от Колы.

Что касается «голоса» правительства, то он, с одной стороны, в основном, оказывается на стороне «теоретиков», хотя и не с одинаковым энтузиазмом. Если вкратце проследить развитие ситуации, то картина предстает примерно следующая. Александр Меншиков, будучи ближайшим доверенным лицом Петра I, который сопровождал царя во время в Большого посольства и организовал первую монопольную компанию в 1703 году, как представитель около Шпицбергена. Идеи Меншикова о начале китоловства в России (возможно, почерпнутые у Небеля) были поняты и очень благосклонно приняты и поддержаны Петром I, поскольку лежали вполне в русле европеизации через заимствование новых технологий. Китобойный корабль, посланный от его компании на Шпицберген в 1709 году является первым документально зафиксированным русским судном, которое посетило этот архипелаг¹. Но больших успехов в этом направлении Компания Меншикова не достигла и в 1721 г. Петр ее ликвидировал, а для ловли китов в 1723 г. учредил Колскую китобойную компанию. Однако, Светлов

¹ Научный архив СПБИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 621.

² Чулков М.Д. Историческое описание... Т. 1. Кн. 2. СПб. 1782. С. 385–386.

лейший не оставил эту затею. Возрождение китоловного дискурса происходит после смерти Петра, при Екатерине I, и голосом императрицы говорят, безусловно, Александр Данилович. После смены монархов в 1725 году Меншиков немедленно использовал свое влияние на новую императрицу и получил полный контроль над Кольской компанией. Он вложил 5000 рублей «своего кошта», поставил директорами двух своих доверенных лиц – С. Вернизера и Я. Неклодова¹, и направил для контроля за их деятельностью президента Коммерц-коллегии П.П. Шафирова с которым был связан еще во времена своей компании 1703–1721 гг.

Падение Меншикова в 1727 г. приводит к резкому повороту в ситуации и в оценке значимости ловли китов для России: указы правительства Петра II (т.е. противников Меншикова) в крайне негативных тонах описывают и неоправданно высокие затраты на этот убыточный проект, и привлечение ненужных в таком количестве иностранных специалистов, и даже обвиняют последних в умышленном утаивании секретов и всестороннем препятствовании развитию в России китоловства, поскольку это невыгодно для их стран (по сути их обвиняют в шпионаже и саботаже)². Здесь впервые возникает «практика» хотя бы отчасти совпадающая с «голосом правительства».

В целом эта своеобразная дискуссия, в которой конкурировали два образа Шпицбергена («богатое утюль для настоящего европейского промысла» и «либное место, требующее огромных бессыпенных затрат») продолжалась практически до самого конца столетия. Окончательно расставить все точки над *i* помогает история проекта Ивана Лепехина.

Проект Ивана Лепехина и купчи Архангельска

Иван Лепехин принадлежал к генерации русских естествоиспытателей, которая появилась на сцене во второй половине XVII в. Он получил образование в Санкт-Петербургской Академии, где его наставником был Степан Крашененинников, известный своим участием в исследовательской экспедиции на Камчатку³. В 1762–1767 гг. Лепехин изучал мединицу в университетах Страсбурга и Лейпцига, а после возвращения работал в Санкт-Петербургской Академии наук в области естествознания. К 1798 г. он был опытным исследователем, имея за плечами шесть лет на-

учных экспедиций по всей европейской части Российской империи (1768–1773 гг.) и два года (1771 и 1772 гг.) исследований на Русском Севере. Лепехин изучал острова Белого моря, посетил Кольский полуостров и направил специальную исследовательскую группу с молодым Николаем Озерецковским во главе для изучения побережья Баренцева моря, в том числе Коту и район Мезени. Таким образом, экспедиция изучила все основные зоны морской промысловой деятельности на Русском Севере, будь то ловля лосося в реках, трески и палтуса в Баренцевом море или охоты на морского зверя, на которой специализировались обитающие в умывшленном утаивании секретов и всестороннем препятствовании развитию в России китоловства, поскольку это невыгодно для их стран (по сути их обвиняют в шпионаже и саботаже)². Здесь впервые возникает «практика» хотя бы отчасти совпадающая с «голосом правительства».

В целом эта своеобразная дискуссия, в которой конкурировали два образа Шпицбергена («богатое утюль для настоящего европейского промысла» и «либное место, требующее огромных бессыпенных затрат») продолжалась практически до самого конца столетия. Окончательно расставить все точки над *i* помогает история проекта Ивана Лепехина.

Проект Ивана Лепехина является самым обширным из всех известных текстов, он включает в себя 39 страниц¹. Текст начинается с введения, описывающего «легендарную предысторию» китобойного промысла, начиная от сотворения мира. Несмотря на то, что и здесь, как в прежних проектах, важной действующей силой остается Бог, но его роль несколько иная. Для Лепехина Бог распределил ресурсы по всему миру более или менее равномерно. Природные ресурсы Северного океана являются своеобразной компенсацией для жителей Севера за скучность земных ресурсов. Северные люди со своей стороны пристособлены для употребления в пищу мяса морских животных и вообще могут использовать ресурсы океана в том же смысле, как обычный повар использует продукты сельского хозяйства³. Таким образом,

¹ См.: М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII в. М., 2011. С. 90–129. Публикация материалов экспедиций имела большое значение для развития этой области знаний, в том числе, например, М. Чулков в уже упомянутом Историческом описании российской коммерции ссылается на труды Н. Озерецковского и С. Крашененинникова, когда дает описание промысла Русского севера, его фуфны, особенностей промысловых практик у разных народов. См.: Чулков М.Д. Историческое описание...

² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–9.
³ Чулков М.Д. Историческое описание... Т. 1. Кн. 2. СПб., 1782. С. 416–419.
Крашененинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Т. 1–2. Репринт. СПб.: Наука, 1994.

картина окружающей среды у Лепехина предстает более «сбалансированной», без каких-либо упоминаний или особого вида божественного благословения для России.

Следующий раздел содержит описание практик китобойного промысла, используемых коренным населением людей в отдаленных районах мира¹. Этнографические описания были составлены на основе результатов Академических экспедиций – по-видимому, самого впечатляющего имперского проекта в истории российской науки. Например, описание методов китобойного промысла, используемых камчадалами и олонгарами (т.е. коряками, имеются в виду аборигенные племена на Камчатке), Лепехин, очевидно, взял из «Описания земли Камчатки», написанной его наставником Крашенинниковым². Раздел завершается проведением сравнения между людьми Севера, которые убивают китов по необходимости, из-за тяжелой среды и природных предпогодий, и образованые европейцы, которые преодолели трудности в их стремлении быть китами для рыночных и промышленных нужд.

Раздел «Исторический» вводит читателя в историю европейской охоты на китов – от басков до голландских китобоев, признанных лучшими специалистами в этом деле³. Стоит отметить, что Лепехин, по-видимому, ничего не знал о кризисе голландского китобойного промысла к концу XVIII в., когда начиная с 1755 г. китоловы привозили только по 100 бочек сала на корабль, в то время как в 1680-х гг. на каждый корабль приходилось до 300 бочек⁴. В целом историко-этнографическая часть текста проекта явно написана для того, чтобы продемонстрировать читателям возможную экономическую прибыль китоловного промысла, а также преодолеть сложившееся к концу столетия скептическое отношение к данной отрасли как к заведомо убыточной, поскольку она не могла приносить моментальной прибыли, покрывающей все (и немалые!) расходы. Именно такими обстоятельствами первоначально объясняли свой отказ от участия в промысле представители купечества, а затем эта мысль окончательно утвердилаась и в текстах государственных бумаг. Аргументы Лепехина со-

стояли в том, чтобы продемонстрировать тот факт, что даже цивилизованные и образованные народы (чтая, европейцы) не сразу стали получать баснословные доходы от китоловства, но пришли к этим результатам по прошествии длительного времени. Следовательно, эта отрасль морской экономики не может быть убыточной, она относится к сфере длительных ожиданий, требуя долгосрочных капиталовложений.

Далее в разделе, который может быть назван «зоологическим»¹, он дает подробное описание анатомии и физиологии китов, что выглядит несколько необычно на фоне предыдущих текстов и учитывая адресатов Лепехина. Зоологический аспект важен для Кунсткамеры и для Академии, но он никак не связан ни с оборотом капитала, ни в принятиями правительственные решений. Непосредственным участником промысла – китобоям – важнее всего знать, как убить кита, от этого и зависит конечный итог всего предприятия, но это часть их практических навыков. Этот раздел текста включает ссылки на авторов, имевших личный опыт исследований, а также на данные, имеющиеся в научной литературе, и в целом раздел выглядит как фундаментальное научное исследование, имеющее, впрочем, по мнению автора, актуальное практическое значение.

В следующем разделе приведены данные об организации китобойных экспедиций в Европе и он может быть условно обозначен как «технический и экономический»². Описание процесса охоты (от подготовки ловцов до получения ворвани, ее реализации и распределения выручки) довольно подробно и обеспечивает некоторую сравнительную перспективу. Автор явно следил за последними технологическими усовершенствованиями и в этом разделе желал продемонстрировать читателю инновационный характер предлагаемой новой отрасли экономики.

Наконец, автор возвращается к главному вопросу, а именно к возможности развития охоты на китов в России. Здесь, также как в проекте Бешнякова, отмечено, что ледовый режим Белого моря затрудняет ранний и безопасный выход к местам промыслов³, а потому важное значение имеет город Кола, расположенный на берегу Баренцева моря и имеющий открытый доступ к океану почти круглый год. Также как Бешняков, Лепехин описывает Екатерининскую гавань к северу от Кольского полуострова как наиболее подходящее место для китобойной базы⁴,

¹ Там же. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 79. Л. 2 об. – 4 об.

² Крашенинников С.П. Описание... С. 299–301.; См. также: Shaw D.J.B. Utility in Natural History: Some Eighteenth-Century Russian Receptions of the Living Environment. // Историко-биологические исследования. 2010. Т.2. № 4. С. 35–50.

³ РГИА. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 79. Л. 5–7 об.

⁴ См.: Vries J., de; Woudt A. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge. 1997. С. 263.

но добавляет скота также пункт о возможном использовании этой гавани для размещения военно-морского флота¹. И, наконец, он описывает обилие всевозможных морских обитателей в Северном море, которые будут предоставлять дополнительную прибыль китобоям, указывает на имеющийся специальный опыт поморов в арктической навигации и возвращается к опыту Шуваловской монополистической компании, как примеру будущей выгодной для правительства деятельности².

Подводя итоги, следует сказать, что весь проект выглядит очень «научно». Иван Лепехин использовал все свои академические навыки, в проекте читатель может увидеть его как натуралиста, этнографа, историка, экономиста и технологического эксперта (не инженера). Созданная им картина мира, на первый взгляд, выглядит вполне убедительно. Он описал подробно природную среду, отметив, что она отнюдь не отличается легендарной избыточностью ресурсов, но при условии грамотной эксплуатации дает разнообразные возможности для рыбаков и охотников на морского зверя, в том числе и русских, которые были, безусловно, в состоянии использовать эти возможности для общей выгоды. В то же время Иван Лепехин, очевидно, не искал какой-либо прибыли или привилегий для себя и действовал из чистого altruизма и патриотизма. В проекте нет и следа упоминания какой-либо монополии – этот текст, безусловно, написан человеком времен Екатерины Великой, упразднившей в 1762 г. все монополии, кроме колонии Шувалова, и подтвердившей верность этому решению в 1768, ликвидировав и последнюю. Должностные лица Правительствующего Сената решили, что эта работа заслуживает особых внимания, и решили обратиться к губернатору Архангельска, чтобы отprobовать проект на практике³.

В Архангельске проект встретил неожиданных (хотя и довольно предсказуемых) противников, а именно местных торговцев, которые были приглашены администрацией, чтобы обсудить идею. Протокол этого обсуждения является очень важным для понимания разницы между мнением «теоретиков» и «практиков», и кроме того это первый раз, когда мы можем услышать голос «местных пользователей» (пользующихся термином, предложенным Дж. Скоттом⁴), у которых до этого никто не спрашивал их мнения. Это прекрасная возможность сравнить картину окружающей среды Севера, которая была в умах местных жителей¹, с тем образом, что нарисовал Санкт-Петербургский академик, и получить ответ, почему проекты не удалось реализовать.

Купцы заявили, что китобойный промысел им давно и хорошо известен, и русские были бы ничуть не менее успешны в нем, чем европейцы, если бы видели в этом выгоду. По мнению купцов, успех или неуспех промысла определялся вовсе не наличием китов в водах Шпицбергена, равно как и не наличием каких-то специфических европейских знаний и умений. Главными причинами того, что китобойный промысел не развивался, был недостаток капиталов для инвестиций, отсутствие механизмов привлечения финансовых средств из Биржу и страхования от убытков. Эта группа причин может быть названа «институциональными». Но, кроме того, купцы продемонстрировали очень впечатляющее понимание взаимосвязи между природными процессами и экономическими. Они указали на то, что ледовый режим в Северном море уже осенью возвращается с добычей, в то время как в морях Экспедиция будет приуждена зимовать на Шпицбергене. Даже в случае успешного возвращения, сетовали купцы, капитал будет обращаться слишком медленно. Что же касается или базирования китобойного флотилии в Коле – то Кола слишком мала, население ее бедно и едва кормится само. Никакой серьезной базы, по мнению купцов, там устроить было невозможно.

В целом, местные купцы решительно отказались участвовать в предприятии и рекомендовали оставить всякие мечтания о развитии китобойного промысла на Шпицбергене, как несбыточные. Таким образом, «местные пользователи» решительно поддержали мнение «скептиков», авторов «кондиций». По их мнению, киты в водах Шпицбергена, как бы много их ни было, не являлись природным ресурсом для русских в силу того, что их эксплуатация была невыгодна по причинам, не имевшим ничего общего с трансфером европейских знаний и технологий².

Заключение

Изследование текстов, связанных с проектами развития русского китобойного промысла, позволяет проследить процесс вхождения Шпицбергена в общественный дискурс России XVIII в.

¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 79. Л. 43–46.

² О «конструировании» природных ресурсов в истории см. также примечания из статьи Avango D., Nilsson A.E., Roberts P. Assessing Arctic futures: voices, resources and governance. In: The Polar Journal, 2013. <http://dx.doi.org/10.1080/2154896X.2013.790197>.

Проекттеры, представители европейской культуры, транслировали в своих текстах европейские же представления о Шпицбергене, связанные с изобилием ресурсов и со своеобразной романтикой их эксплуатации, осмысленной как покорение суровой природы. Этот, условно говоря, «романтический» взгляд на природу арктического архипелага, до известной степени устроило европеизированное и образованное русское общество. Именно так представляет Арктика (и деятельность русских в Арктике) под первом Ломоносова:

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российской между льдами
Степлит и презирает рок.
Там пластие Елисаветы
Преходит кораблям в пути,
Отводит всех стихий наветы
И в след себе веет ити.
Ни бури, мразом изощренны,
Ни волны, льдом отягощены,
Против его не могут стать!
Божественны Ея плоды
К чьему не могут нам охоты
И сил непобедимых дать?

С другой стороны, по мере знакомства с экономическими и природными реалиями китобойного промысла на Груманте, русские моряки и купцы усваивали «практический» взгляд на вещи, резко отличающийся от романтических ожиданий проекттеров и их читателей. То, что одним казалось гарантированной выгодой, для других было разорением. И наоборот, то, что для местных жителей было естественным стремлением к экономически целесообразному повелению, столичной борократии казалось злостным саботажем важнейшего государственного начинания. Отказ русских от китобойного промысла не был связан с косностью их мышления или недостатком образованности, он имел вполне рациональные причины, опирался на знание природных реалий, особенностей экономики региона и четкое представление о соотношении необходимых затрат с возможной прибылью. В этом уравнении ответ получался неизбежно с отрицательным знаком.

А.В. Виноградов
**ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕСУРСНОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
(XVIII-XIX ВВ.)**

В XVIII–XIX вв. в Среднем Поволжье происходили сложные процессы преобразования аграрного общества в индустриальное, связанные с кризисом экстенсивной системы землепользования и обособлением промышленности в отдельную сферу народного хозяйства. Большую роль при этом играли условия окружающей среды, в том числе обеспеченность экономики природными биологическими ресурсами. С точки зрения экологической истории, переход от биологических ресурсов к минеральным является важнейшим и необходимым следствием индустриальной революции, однако этот переходineизбежно имел свою специфику на российском пространстве. На примере Среднего Поволжья показано, что существовавшая в доиндустриальный период система эксплуатации природных ресурсов, склонявшаяся в рамках традиционного сельского хозяйства, вела к их перексплуатации и ухудшению экологической обстановки. Формирование крупной фабрично-заводской промышленности сделало антропогенное воздействие на природную среду более локальным, существенно снизив нагрузку на природные блага. На основе сравнительной характеристики регионов Среднего Поволжья и Обь-Иртышского Севера автор приходит к выводу, что переход от эксплуатации природных ресурсов к их перексплуатации, а затем к крупной промышленности во многом был обусловлен природными факторами, представляя собой закономерный этап исторического развития российского общества и отчасти способствовал оптимизации взаимодействия человека и природы.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, ресурсное природопользование, промышленный переход, сельское хозяйство, кустарная промышленность, фабрично-заводская промышленность.

The 18–19th centuries became for the Middle Volga region a period of transition from agrarian to industrial society related to the crisis of extensive land usage and isolation of industry in separate branch of the economy. A major role was played by environmental conditions, including the availability of necessary natural resources. From the environmental historical point of view, the transition from biological to mineral resources was an important and necessary consequence of the Industrial Revolution. However, in the Russian Empire this transition inevitably